

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ

КУЛЬТ НАПОЛЕОНА В ПЕТЕРБУРГЕ ДОСТОЕВСКОГО

Наполеон Бонапарт (1769—1821) никогда не был в Санкт-Петербурге, хотя и собирался по первоначальному плану захватить этот город в ходе войны с Россией 1812 года [Сироткин, 2000. С. 19]. Тем не менее Наполеон оказал огромное культурное влияние на жизнь Северной столицы России. Г. В. Вилинбахов справедливо отмечает, что «годы военного противостояния императоров Александра и Наполеона не только не сделали Россию и Францию вечными врагами, но лишь усилили взаимный интерес друг к другу и уважение, иногда переходившее в чувство восхищения недавним соперником. На столах и бюро в кабинетах можно было видеть бюсты и фигурки с легкоузнаваемыми знаменитой треугольной¹ шляпой и скрещенными руками рядом с фарфоровыми фигурами казаков и бокалами с надписью: „Ликуй Москва, в Париже Росс!“ Юный брат императора Александра великий князь Николай Павлович проектирует новые мундиры для русской армии, беря за основу форму армии Наполеона и используя для своих проектов знаменитую сюиту гравюр Мартине. И в образе военного Петербурга во всем разнообразии этого понятия военное противостояние с наполеоновской Францией нашло свое отражение» [Вилинбахов, 2003. С. 25].

Многие русские писатели создали литературных героев — жителей Петербурга, подпавших под обаяние наполеоновской легенды. В этом длинном ряду стоят и Германн из «Пиковой дамы» (1833) А. С. Пушкина, с «профилем

¹ На самом деле Наполеон носил не треугольную, а двуугольную шляпу. Как замечает биограф Наполеона М. М. Куриев: «Уже в конце XVIII века „треуголки“ почти никто не носил. На смену им пришла *двуугольная* шляпа, *visogne*. Дело тут скорее не в моде, а в практичности. „Двууголки“ легче держать в руках, складывать, да и на голове они держатся более „уверенно“» [Куриев, 2020. С. 319]

Николай Николаевич Подосокорский (род. в 1984 г.) — историк литературы, литературный критик, кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автор многих статей о творчестве Ф. М. Достоевского и русской литературе XIX—XXI вв. Живет в Великом Новгороде.

Наполеона, а душой Мефистофеля» [Пушкин, 1950—1951. С. 343]; и Илья Ильич Обломов из романа И. А. Гончарова «Обломов» (1859), который любил «вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, шадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия» [Гончаров, 1998. С. 66]; и Иван Александрович Званинцев из повести Аполлона Григорьева «Один из многих» (1846), воспитанный почитателями Наполеона так, что «образ Наполеона сливался для него с светлым образом Аполлона Гелиоса, победителя Тифона» [Григорьев, 1990. С. 354] и многие другие.

Герои петербургских произведений Ф. М. Достоевского (сам писатель с перерывами жил в Петербурге в 1837—1849 и в 1859—1881 годах) занимают особое место в истории литературного наполеонизма¹. Наполеоновские черты господина Прохарчина, подпольного парадоксалиста, Раскольников или генерала Иволгина — это уже не просто дань общеевропейской моде эпохи романтизма с ее культом героев, но типично петербургское явление второй трети XIX века (о наполеоновском мифе в творчестве Достоевского см.: [Подосокорский, 2013; 2023; 2024] и др.) Недаром следователь Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» говорит Родиону Раскольникову: «...кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» [Достоевский, 1972—1990. С. 204]. Наполеон I к этому времени давно умер, но его легендарное имя глубоко вошло в повседневную жизнь Петербурга, оказывая влияние на идеи и поведение его жителей различных званий и сословий и даже формируя городскую ландшафт.

Собственно, призыв изучать разные «странные влияния» Петербурга на душу человека содержится уже в диалогах героев писателя. Так, Свидригайлов говорит Раскольникову: «Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем» [Там же. С. 357].

В этой статье мы попробуем показать, что собой представлял «наполеоновский» Петербург той эпохи, и как именно был представлен культ императора французов среди жителей российской столицы.

¹ Термин «наполеонизм» был в ходу в российской литературной и журнальной среде середины XIX в. Например, Р. М. Зотов пишет о Луи-Наполеоне (будущем Наполеоне III): «Пылкий юноша, воспитанный в идеях наполеонизма, воображал, что одно имя его привлечет к нему всех» [Зотов, 1857. С. 310]. Понятие «наполеонизм» использовали в своих статьях П. А. Вяземский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев и многие другие. В журнале «Время», издаваемом старшим братом писателя М. М. Достоевским, в одной из критических статей, посвященной разбору «Жизни графа Сперанского» М. Корфа, сообщалось о том, как модное «подражание наполеонизму проложило себе дорогу и в Россию» перед войной 1812 (Время. Журнал литературный и политический. 1861. № 12. Критическое обозрение. С. 143, 172). В словаре иностранных слов И. Ф. Бурдона «наполеонизмом» названа «приверженность к Наполеону» [Бурдона, 1865. С. 449]. Мы используем этот термин как явление, обозначающее психологическое подражание Наполеону, что отличается от политического следования наполеоновским принципам, обычно называемого *бонапартизмом*.

ЧЕРТЫ «НАПОЛЕОНОВСКОГО» ПЕТЕРБУРГА ЭПОХИ ДОСТОЕВСКОГО

Один из первых исследователей *Петербурга Достоевского*, Н. П. Анциферов (1889—1958), в своей кандидатской диссертации «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций» (1944) отмечал, что «тема Наполеона» была выдвинута Достоевским как одна из основных при «вскрытии» в Петербурге «черт капиталистического „большого города“» [Анциферов, 2009. С. 489]. Согласно Анциферову, «тема русского молодого человека, стоящего под знаком Наполеона, введенная в большую литературу Пушкиным — получила у Достоевского свое завершение» [Там же. С. 404]. Ученый был убежден, что «„идеи“ Достоевского — это силы, рожденные Петербургом» [Там же. С. 417].

Петербургская общественная и литературная жизнь 1830—1840-х годов отмечена новой волной интереса к фигуре Наполеона. В конце 1830-х годов французский дипломат Барант был «поражен, встретив в Петербурге настоящий культ Наполеона. „Лавки и магазины завалены его портретами, гравюрами сражений и всем, что имеет какое-нибудь отношение к нему“. В Москве Марнье замечает то же самое. „Портреты предков заменены в семейных галереях московских бар изображениями перехода через С. Бернар или прощания в Фонтенбло“. Мода на Наполеона держалась до самых <18>60<-х> годов» [Михайлов, 1910. С. 629—630].

Н. А. Некрасов, перечисляя в стихотворении «Наш век» (1840) разные виды помешательства современников, особо выделяет наполеонизм:

Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;
Бредит тот Наполеоном
И успел всем надоесть.

[Некрасов, 1981—2000. Т. 1. С. 277]

В данном случае Некрасов следовал за А. Ф. Воейковым (1779—1839), который еще в первой редакции своего стихотворного памфлета «Дом сумасшедших» (1814) украсил привидевшееся ему в «чудном сне» петербургское заведение для умалишенных литераторов («желтый дом») портретом императора Наполеона:

Тут — один желает трона,
А другой — владеть луной,
Тут — портрет Наполеона
Намалеван как живой.

[Поэты 1790—1810-х годов, 1971. С. 794]

Изображения и вещи Наполеона можно было увидеть в ряде зданий города. Петербургский старожил В. П. Бурнашев (1810—1888), известный также по псевдониму *Виктор Бурьянов*, в своей «Прогулке с детьми по С. Петербургу

и его окрестностям» (1838) отмечает, в частности, такие столичные раритеты, как «прекрасная мраморная статуя Наполеона на коне», поставленная еще в 1815 году в Академии художеств в качестве подарка от графа П. Х. Витгенштейна, получившего «ее в дар от города Гамбурга, им освобожденного от войск Наполеоновых, страшные штыки которых заставили мирных граждан поставить это изваяние грозного завоевателя в их Сенате» [Бурьянов, 1838. Ч. 1. С. 186—187]; «бумажник Наполеона, служивший ему в кампании 1812 года, серебряный его прибор, взятый при Ватерлоо; <...> письмо, которым Бертъе, начальник штаба Императора Наполеона, извещал князя Экмюльского об отступлении Французов от Москвы; потом маленький крест почетного Легиона, принадлежавший Наполеону», размещенные в Петербургском арсенале [Там же. Ч. 3. С. 118].

О Наполеоне напоминали и разного рода представления развлекательного характера для петербургской публики. В 1834 году художник Иосиф Лекса привез в Петербург «богатую коллекцию видов», среди которых была «огромная панорама горы Этны» и «смерть Наполеона» [Конечный, 2021. С. 81]. Н. А. Некрасов в фельетоне «Петербургская хроника» (27 февраля 1843 года) описывает Детский театр француза Ле-Мольта во «всякому известном» здании в Большой Морской, где, в числе прочего, искусно показывают сцены подвигов Наполеона: «...господин Ле-Мольт с помощью своего искусства представляет сцены, в которых есть даже движение, жизнь. Между такими сценами первое место занимает переход Наполеона через гору Сен-Бернар. Здесь вы видите перед собою высокую, покрытую снегом гору. Вдали раздаются пушечные выстрелы и колокольный звон. Длинные ряды солдат огибают, подобно змеям, бока и вершины Сен-Бернара; внизу, по равнине, проходит многочисленное войско. Здесь тащат пушку, там лафет, далее несут на носилках раненых офицеров; в заключение является сам Наполеон на лошади, приветствует окружающих его воинов и снимает несколько раз шляпу; затем тянутся новые ряды войска. Согласитесь, на такие вещи могут смотреть с удовольствием не одни дети» [Некрасов, 1981—2000. Т. 12. Кн. 1. С. 18]. И. Пушкарев также сообщает, что «до открытия этого театра, в 1841 году, в Столице не было заведено для детей таких зрелищ, которые бы соединяли в себе и удовольствие и пользу, представляя юным зрителям нравственное поучение. <...> Кроме игры и пляски кукол, особенно замечательна механическая картина перехода Наполеона через Сен-Бернар» [Пушкарев, 1839—1842. С. 125].

Французы, владевшие ресторанами в Петербурге в 1830—1840-е годы, пытались придать своим заведениям дополнительный шарм за счет обращений к имени Наполеона. Например, в ресторане Бореля на Б. Морской ул., 8, «в меню фигурировали котлеты из соловьиных языков и вина из погреба Наполеона» [Жерихина, 2015. С. 302]. Писатель Е. П. Гребёнка (1812—1848) в очерке «Петербургская сторона», вошедшем в некрасовский альманах «Физиология Петербурга» (1845), рассказывает об одной кондитерской, которая за несколько лет до этого существовала на углу Малого проспекта и улицы, ведущей к Крестовскому перевозу: «...она красовалась, привлекала внимание проезжающих и проходящих по воскресеньям на Крестовский остров, и, простояв несколько месяцев, внезапно скрылась, исчезла. Содержал эту

кондитерскую какой-то хромой ветеран наполеоновской службы; хвалил своим посетителям Наполеона, со слезами на глазах показывал портрет, висевший за стеклом в углу кондитерской, и очень мало продавал своих изделий. Я думаю, многие помнят этот удивительный портрет, просто сказать, лубочной гравировки картину, на которой был представлен Наполеон во весь рост, вершка в полтора величиной, в узких брюках, с руками, как-то нелепо заложеными в брюки» [Физиология Петербурга, 1991. С. 86]. Достоевский мог сам бывать в упомянутом заведении¹, видеть воочию чудака-хозяина, и, конечно, был хорошо знаком со всеми текстами этого альманаха.

Упомянутый Гребёнкой «портрет Наполеона» в общественном заведении Петербурга наряду со статуэтками, изображающими французского императора, — весьма распространенная символическая деталь в художественных произведениях русских писателей второй трети XIX века. Обычно такого рода портреты и статуэтки помещались в частных домах и квартирах, что нашло отражение и в произведениях так называемой натуральной школы 1840-х годов (см., к примеру, рассказы Я. П. Буткова «Горюн», 1847 [Бутков, 1967. С. 223] и «Новый год», 1848 [Бутков, 1848. С. 219]). Это же было характерно и для жителей Москвы: мемуарист М. А. Дмитриев (1796—1866), племянник поэта И. И. Дмитриева и автор стихотворения «Наполеон» (1828), рассказывает в своих воспоминаниях, как в конце 1830-х годов он украсил свой кабинет бюстами Наполеона, Вольтера, Руссо и других знаменитых деятелей: «Я любовался на них, и душа моя возвышалась, находясь как будто в их обществе» [Дмитриев, 1998. С. 389].

Одним из петербуржцев, кто хранил бюст Наполеона в своем кабинете, был создатель Александровской колонны и Исаакиевского собора, архитектор французского происхождения Огюст Монферран (1786—1858), участвовавший прежде в Наполеоновских войнах на стороне Франции [Ротач, 1990. С. 11]. Анри Луи Огюст Леже Рикар (настоящее имя Монферрана) служил в наполеоновской армии с 1806 года, получил ранения в голову и бедро; был вновь призван на службу в 1813 году и даже получил за военное отличие крест Почетного легиона. В 1814 году в оккупированном союзными войсками Париже он «преподнес императору Александру I роскошный альбом своих проектов памятников и сооружений, названный „Разные архитектурные проекты, представленные и посвященные Его Величеству Императору Всероссийскому Александру I Августом Монферраном, членом Французской Академии архитектуры. Париж. Апрель 1814“» [Жерихина, 2015. С. 429]. Во время *Ста дней* правления Наполеона в 1815 году Монферран отказался вернуться на службу и в июле 1816 года переехал в Петербург, где и прославился своими архитектурными творениями. При этом он не забывал и об императоре Наполеоне и в кабинете своего особняка на Мойке «имел превосходный

¹ Достоевский в 1840-е часто посещал разные петербургские кондитерские и нередко изображал их в своих произведениях. Например, о роли кондитерской швейцарца И. И. Излера в его жизни и творчестве см.: [Тихомиров, 2022. С. 225—230]. В кондитерской швейцарца С. Вольфа и француза Т. Беранже на Невском проспекте у Полицейского моста произошло судьбоносное знакомство молодого Ф. М. Достоевского с М. В. Буташевич-Петрашевским (об этой кондитерской см.: Там же. С. 151—162). В кондитерских тогда не только общались и ели, но и знакомились со свежими газетами и журналами.

бюст его... и, сверх того, четыре современные литографии, изображавшие некоторые битвы империи» [Антонов, 2010. С. 69].

Краевед И. И. Пушкарев (1803—1848) в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии» (1839—1842) сообщает, что бюсты Наполеона, к примеру, продавались в мелочной лавке¹ Коломны: «В мелочной лавке все имеется не только к удовлетворению желудка, даже и малейшей прихоти. Сквозь тусклое стекло окна виднеется бюст Наполеона с поджатыми руками, рядом кукла из Китайского фарфора с отбитою ручкою, склеенная чашка с превосходною живописью, без блюдечка, лампыовые стекла, тарелка с студенью, лакомым кушаньем Немецких ремесленников, коровай хлеба, банка с вареньем, банка с сухою постилою, банка с груздыми, чубуки, мундштуки, трубки, галстуки, манишки, запанки, перчатки, даже маски и маскарадные костюмы, словом все чего хотите» [Пушкарев, 1839—1842. С. 15—16]. Герой повести В. Ф. Одоевского «Записки гробовщика» (1838) вспоминает, как в пору его увлечения искусством скульптуры он смог зарабатывать только благодаря создаваемым фигуркам Наполеона: «Все прочие, и мужчины и женщины, находили моих Венер и Аполлонов слишком неблагопристойными; единственный мой доход происходил от кошек с вертящимися головами и Наполеонов, которые, увы! для удовольствия покупателей, я должен был раскрашивать» [Альманах, 1838. С. 232].

Повесть друга юности Ф. М. Достоевского — поэта А. Н. Плещеева — «Дружеские советы» (1849) как раз начинается с того, что двадцатитрехлетний мечтатель Василий Михайлович Ломтев останавливается у одного магазина на Невском проспекте, «на каменном крыльце которого итальянец, с угловатыми, загорелыми чертами и небритой бородой, продавал гипсовые статуэтки, расставленные под рост на деревянном лотке», колеблясь — какую статуэтку ему следует купить: «Блюхера или Фанни Эльслер, Моцарта или Крылова, или Наполеона Бонапарте» [Плещеев, 1896. С. 184]. Бюстик Наполеона украшает и комнату Маши — одной из героинь романа «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (1864—1866) В. В. Крестовского [Крестовский, 1990. С. 338, 354].

В «Наполеона» в 1850-е годы играли русские дети. С описанием одной из таких игр можно ознакомиться по изданию Акима Иконникова. В предупреждении сообщалось: «Предлагаемая игра доставляет не только приятную забаву, но и приносит собою пользу, напоминая главные события в жизни человека, гению которого удивляться будут не только современники, но и позднейшее потомство» [Наполеон Бонапарте, 1851. С. 1]. Играющим поровну раздавались 32 карточки с изображениями разных событий из жизни императора французов (от его учебы в Бриеннском училище до принудительной отправки его в Англию после второго отречения в 1815 году). Карты делились на «счастливые» (на таких были изображены переход Бонапарте через Альпы, Аркольское сражение, отправление французов в Египет, свидание Наполеона с императором Францем II после битвы при Аустерлице и пр.)

¹ В середине 1840-х в Петербурге работало более 2600 мелочных лавок [Длуголенский, 2005. С. 78]. В романе «Преступление и наказание» также упоминается мелочная лавка [Достоевский, 1972—1990. С. 121].

и «несчастливые» (сцены с Наполеоном в Москве в сентябре 1812 года, кончиной обер-гофмаршала Дюрока в мае 1813 года, битвой при Ватерлоо и др.). При помощи костей определялась карта, на которую ставилась «фигура Наполеона», и в зависимости от того, насколько счастливым или несчастным было запечатленное на ней событие, владелец карты получал или платил определенное число марок [Там же. С. 1—3].

В очерке Д. В. Григоровича (1822—1900) «Петербургские шарманщики» (1844) описаны типичные уличные представления, непременной участницей которых является кукла, изображающая Наполеона. Петербургский шарманщик показывает публике «презанимательное зрелище: Наполеона в синем фраке и треугольной шляпе, вертящегося вокруг безносых дам, с ног до головы облепленных фольгой. Если владелец этого сокровища итальянец, то он непременно вступит с вами в разговор и, объясняя значение каждой куклы порознь, не утерпит, чтоб не выбрать хорошенько Наполеона и, бог весть почему, кружащихся с ним австрийских дам» [Физиология Петербурга, 1991. С. 54].

По наблюдению Григоровича, итальянцы занимают среди столичных шарманщиков первое место; в очерке им посвящена отдельная глава, в которой также сообщается: «Мало-помалу, с прибылью денег, итальянец отстает от бродячей жизни, заводит круг знакомства с соотечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вечного амура с сложенными накрест руками, кошку, болтающую вправо и влево головою, Наполеона, окрашенного розовой краской, всех возможных форм, видов и несходств, и, наконец, женится на дочери одного из своих приятелей. Заведшись таким образом хозяйством, итальянские шарманщики неизвестно почему избирают жилище в Подъяческих и Мещанской. Маленький двухэтажный деревянный дом, выкрашенный всегдашнею зеленогрязною краскою и возвышающийся в углу темного двора, служит им убежищем» [Там же. С. 55—56].

Юрист А. Ф. Кони (1844—1927) упомянул еще одну распространенную кукольную сценку того времени: «До конца пятидесятых годов эти шарманки имеют спереди открывающуюся маленькую площадку, на которой под музыку танцуют миниатюрные фигурки и часто изображаются умирающий в постели Наполеон и плачущие вокруг генералы» [Кони, 1966—1969. Т. 7. С. 62].

В уличных балаганах Петербурга 1840-х годов «за небольшую плату („копейка с носа“) можно было полюбоваться видами различных городов, нарисованными на бесконечно раскручивающейся бумажной ленте, портретами знаменитых людей и изображением различных исторических событий (открытие железной дороги Петербург — Царское Село, разгром турецкого флота при Синопе, бегство Наполеона из Москвы и так далее)» [Длуголенский, 2005. С. 181].

В столичном театре того времени ставились спектакли о наполеоновской эпохе. На одну из подобных сценических пьес — «Наполеоновский гвардеец» (по повести французского писателя П.-М.-Ф. Шевалье (1812—1863), известного также как Питр-Шевалье) — откликнулся в 1844 году уничижительной рецензией В. Г. Белинский [Белинский, 1953—1959. Т. 8. С. 369]. Декоратор

и главный машинист Дирекции Императорских театров А. Л. Роллер (1805—1891) поставил в 1848 году т. н. «живую картину» Штейбена «Наполеон при Ватерлоо». Ф. В. Булгарин писал о ней в «Северной пчеле» следующее: «Кто не видал живого Наполеона, тот может теперь взглянуть на него. А теперь это весьма кстати. Не один человек в Европе вспомнит теперь о нем! Как человек он имел свои недостатки; но никогда человечество не забудет услуги, оказанной ему Наполеоном, обузданием кровожадного чудовища, враждебного наукам, искусствам, промышленности и вообще образованности. Чудовище это называется революцией, а у Наполеона это чудовище было смирно, как ягненок! По несчастию, у Наполеона, вошедшего на недостижимую вершину с равнины, закружилась голова, и он упал. Умей он удержать в пределах свое честолюбие, как удержал буйство революции, слава его была бы во сто крат блистательнее: Но... „перст бо еси“... Простим человеку слабость и вспомним добро!» [Столпянский, 2002. С. 64].

Во второй четверти XIX века Наполеон стал одним из главных героев русского исторического романа. В рецензии на один из исторических романов Р. М. Зотова 1842 года В. Г. Белинский сетует: «Прихотливая не менее всякой другой, эта публика тоже непременно хочет исторической живописи: хоть на лубке, хоть помелом, а нарисуй ей Наполеона! Таков дух нашего исторического века!» [Белинский, 1953—1959. Т. 6. С. 498]. По мнению ведущего литературного критика тех лет, высказанному им в очерке «Петербургская литература» (1845), «Петербургский романист пятнадцатого класса пишет всё „некоторые черты“¹ из жизни великих людей, и честь быть героями его романов предоставляет только Наполеону, Фридриху II-му и т. д.» [Там же. Т. 8. С. 562].

Вплоть до написания «Преступления и наказания» Достоевским и даже позднее Наполеон оставался не только героем для романистов, но и популярным персонажем народного театра. Петербургский журналист и прозаик В. П. Бурнашев в своих мемуарах сообщает, как в апреле 1846 года он встретил на Адмиралтейской площади во время народных гуляний на Святой неделе писательницу Е. В. Кологривову (1809—1884), записывавшую текст рапсодии, который диктовал ей некий раёшник. В этой рапсодии были, в частности, такие слова:

Есть турецкий тут султан,
В золотой одет кафтан,
Есть французский *Наплион*²,
И пришел к нам с войском он.

[Бурнашев, 2022. С. 188—189]

¹ Белинский имеет в виду исторический роман Р. М. Зотова «Леонид или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832) и аналогичные произведения о Наполеоне и войне 1812, которых в 1830—1840-х вышло в России несколько десятков. Е. Н. Пенская насчитала 18 русских исторических романов 1830-х, посвященных войне 1812 [Пенская, 2012. С. 439].

² Искаженное «Наполеон». В русском фольклоре первой половины XIX в. имя Наполеона нередко искажалось. Например, в простонародном рассказе о нем, записанном в 1848 в Пермской губернии, его именуют «царем Палеоном» [Народная проза, 1992. С. 257—261].

Подобные вирши косморамщики распевали и на Ярославской ярмарке в середине 1850-х годов:

Вот, изволите видеть,
Славный город Париж, —
Поедешь туда, — так угоришь,
А не то и совсем сгоришь!
<...>
Вот, изволите видеть, — Наполеон.
Пришел с войсками он
В Москву пир пировать, —
Ан, пришел горе горевать:
От битвинья мерзнет,
Шамя захлебывается,
В каше вязнет,
В киселе грязнет,
Вместо блинов
Попробовал русских пинков!

[Конечный, 2021. С. 124]

По всей видимости, такого рода увеселения оставались практически неизменными на протяжении нескольких десятилетий. Еще в 1817 году писатель П. П. Свиньин (1787—1839) в обозрении пасхального гулянья на Исаакиевской площади, в числе прочего, отмечал: «Здесь за две копейки чрез стеклышко показывается *Соломонов Храм, Рим, Париж, Лондон, Венеция, Иван Великий, Бонапарте, Богатырь Илья Муромец, Соловей разбойник на дереве, Жар птица* и проч.» [Свиньин, 1817. С. 128]. К концу же правления Александра II выкрики остроловов столичного райка уже превратили некогда грозного Бонапарте в банального пьяницу: «Сам Наполеон бросил трон, за сороковкой бежит в кабак, вот как...» [Конечный, 2021. С. 139].

ГОСТИНИЦА «НАПОЛЕОН»

В 1840-х годах на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта (на месте будущего «Англетера») в доходном доме С. Поггенполя [Цылов, 1849. С. 111; *Весь Петербург*, 1851. С. 160] (другое, более позднее обозначение ее адреса — дом княгини Юсуповой [Путеводитель, 1853. С. 36; Адресная книга, 1861. С. 87]) работала гостиница «Наполеон» (Hotel Napoléon), которую содержал купец 3-й гильдии (с 1843 года) Наполеон Бокен (или, как его называют на русский манер в некоторых адресных книгах того времени, — Бокин [Путеводитель, 1853. С. 36]), сам, вероятно, названный в честь французского императора, так как родился он в период наивысшего могущества Первой империи, примерно в 1810 году (в 1861 году ему был 51 год [Адресная книга, 1861. С. 87]).

Эта гостиница в числе одиннадцати других лучших гостиниц Петербурга упоминается во втором издании справочной книги «Весь Петербург в кармане» 1851 года, составленной Алексеем Гречем [*Весь Петербург*, 1851. С. 160]. В Путеводителе по Санкт-Петербургу 1865 года (то есть во время написания

«Преступления и наказания») гостиница «Наполеон» по-прежнему включена в список лучших столичных гостиниц; отмечалось, что в ней «можно иметь хорошие комнаты и приличный стол» [Червяков, 1865. С. 219]. Наряду с «Наполеоном» в 1865 году в Петербурге работали гостиницы «Париж», «Франция» и т. п., содержателями которых также были французы [Там же. С. 219; Жерихина, 2015. С. 306].

По иронии судьбы именно гостиница «Наполеон» стала тем петербургским местом, которое сблизило двух выдающихся творцов наполеоновского мифа в русской литературе XIX века — Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Считается, что они никогда не были знакомы лично, однако в феврале—апреле 1849 года вполне могли случайно встретиться недалеко от этой гостиницы, вежливо раскланяться или просто пройти вплотную друг от друга.

Известно, что Лев Толстой остановился в отеле «Наполеон» в феврале 1849 года и прожил там несколько месяцев, о чем он писал в письме к старшему брату Сергею, заметив что петербургская жизнь приучает его к деятельности и заменяет для него неволью расписание [Толстой, 1935—1958. С. 28—29]. Как отмечал двадцатилетний Лев Толстой: «Ежели же кто хочет жить и молод, то в России нет другого места, как Петербург; какое бы направление кто не имел, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, без всякого труда» [Там же. С. 29].

Достоевский же с сентября 1848 года и до своего ареста в апреле 1849 года по делу петрашевцев жил в соседнем доме купца 3-й гильдии Я. Х. Шиля (тогда: Вознесенский проспект, 7, угол Малой Морской улицы, 24; современный адрес: Вознесенский проспект, 8, угол Малой Морской улицы, 24).

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАПОЛЕОНИЗМ

Ряд известных деятелей Петербурга XIX века запомнились своим вызывающим подражанием Наполеону или внешним «сходством» с императором французов. Например, в 1830-х годах этим отличился генерал от инфантерии, главный директор Пажеского и сухопутных кадетских корпусов Николай Иванович Демидов (1773—1833): «Одно из главных его чудачеств, на котором он был помешан до смешного, было то, что он вылитый император Наполеон I» [Блистательный Петербург, 2008. С. 374]. Главный балетмейстер петербургских Императорских театров (1832—1838) Александр Блаш (1791—1852), по воспоминаниям Р. М. Зотова, «по фигуре и по лицу очень похож был на портрет Наполеона 1-го и даже служил прежде в артиллерии» [Зотов, 1859. С. 89].

В эпиграмме Б. М. Федорова 1830-х годов на писателя О. И. Сенковского (1800—1858), известного по своему творческому псевдониму Барон Брамбеус, и петербургского книгопродавца А. Ф. Смирдина (1795—1857) последний иронически сравнивался с Наполеоном:

Барон Брамбеус сатаной
Книгопродавцу подслужился, —
Книгопродавец рад душой,
Что он с Брамбеусом сдружился.

Писатель — напыщенный Барон,
Купец — второй Наполеон.

[Русская эпиграмма, 1975. С. 353]

В. А. Панаев в своих мемуарах упоминает карикатуру 1849 года на беллетриста Л. В. Бранта (1813—1884), который был изображен в виде Наполеона I, «потому что претендовал на некоторое с ним сходство» [Панаев, 1987. С. 220]. Юрист А. Ф. Кони также пишет, что сотрудник «Северной пчелы» Брант «во всей своей маленькой и комической фигуре имел отдаленное и карикатурное сходство с Наполеоном I, чем чрезвычайно гордился, под рукой многозначительно давая понять, что великий полководец при возвращении из России ночевал в доме его родителей и что его мать отличалась чрезвычайной красотой и произвела на Наполеона сильное впечатление. Эти рассказы, вместе с изданною им глупою книжкою „Наполеон, сам себя изображающий“, вызывали весьма недвусмысленные насмешки в печати <18>40-х годов» [Кони, 1966—1969. Т. 2. С. 211].

В сборнике писателя Я. П. Буткова «Петербургские вершины» (1845—1846) содержатся близкие Достоевскому той поры рассуждения о наполеонизме *маленького человека*: «...слышали мы от людей чиновных и ученых, что Наполеон был *гений*; поэтому, что бы ни значило такое мудреное слово, все-таки очень приятно носить одно название с Наполеоном. О, Наполеон! Наполеон — и гений! Много русских разумных голов закружились от этих двух слов, и вот: давно ли обанкротился какой-то откупщик, давно ли он обеспечил себя десятком домов, выстроенных и купленных на *женино имя*, на казенные деньги и на достояние тысячи обманутых за благородную доверенность достаточных семейств, которым уже не бывать достаточными, а идти по миру и просить милостыню ради Христа; давно ли? И уже все, знающие этот чудный коммерческий оборот, кричат: Карп Карпович второй Наполеон, даже — Карп Карпович *второй гений*! Но стою за значение Наполеона и гения (с полным сознанием, что для Наполеона и гения нет в том никакой надобности) и опять скажу: это также не гений, это все-таки *вор*, но не в нынешнем, слабом смысле, это вор в древнем, обширном значении слова» [Бутков, 1845—1846. С. 112—113].

Предприниматель Н. Е. Врангель (1847—1923) вспоминает, как в 1856 году (ему тогда было девять лет, и он всего примерно на пять лет моложе Родиона Раскольникова, родившегося в начале 1840-х годов) «выработал свою будущую программу жизни». Пунктом первым в ней значилось: «Я буду велик, как Наполеон или тот, который выдумал пар» [Врангель, 2003. С. 54]. И таких примеров были сотни, если не тысячи.

* * *

Изучение повседневных реалий «наполеоновского» Петербурга эпохи Достоевского показывает, что не только герои-наполеонисты вроде Родиона Раскольникова, но и персонажи, *глядящие в Наполеоны*, в петербургских произведениях других писателей того времени, были во многом сформированы

самим городом, оказывающим огромное влияние на творческую фантазию живущих в нем литераторов. Безусловно, культ Наполеона в 1830—1870-е годы в России территориально отнюдь не ограничивался одним только Петербургом, но последний во многом задавал моду и создавал образцы для всего российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Адресная книга, 1861 — Адресная и справочная книга для купцов. СПб., 1861.
- Альманах, 1838 — Альманах на 1838 год. СПб., 1838.
- Антонов, 2010 — *Антонов В. В.* Петербург. Новое о старом. М., 2010.
- Анциферов, 2009 — *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. М., 2009.
- Белинский, 1953—1959 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. В 13 т. М., 1953—1959.
- Блистательный Петербург, 2008 — Блистательный Петербург (Три века северной столицы России). История Санкт-Петербурга первой половины XIX века. М., 2008.
- Бурдона, 1865 — *Бурдона И. Ф.* Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. М., 1865.
- Бурнашев, 2022 — *Бурнашев В. П.* Воспоминания петербургского старожила. В 2 т. / Сост., предисл, коммент. и аннот. указ. имен А. И. Рейтблат. М., 2022. Т. 2.
- Бурьянов, 1838 — *Бурьянов В.* Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям. В 3 ч. СПб., 1838.
- Бутков, 1845—1846 — *Бутков Я. П.* Петербургские вершины. В 2 кн. СПб., 1845—1846. Кн. 1.
- Бутков, 1848 — *Бутков Я. П.* Новый год. Вчерашняя история // Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. СПб., 1848. Т. 56. Отд. I. Словесность. С. 209—230.
- Бутков, 1967 — *Бутков Я. П.* Повести и рассказы / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. С. Мейлаха. М., 1967.
- Весь Петербург, 1851 — Весь Петербург в кармане. Справочная книга для столичных жителей и приезжих, с планами Санкт-Петербурга и четырех театров, составленная Алексеем Гречем. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1851.
- Вилинбахов, 2003 — *Вилинбахов Г. В.* Санкт-Петербург — военная столица // Париж — Санкт-Петербург. 1800—1830. Когда Россия говорила по-французски... Каталог выставки. М., 2003. С. 20—25.
- Врангель, 2003 — *Врангель Н. Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Вступ. ст., коммент. и подгот. текста А. Зейде. М., 2003.
- Гончаров, 1998 — *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 4. СПб., 1998.
- Григорьев, 1990 — *Григорьев А. А.* Сочинения. В 2 т. / Вступ. ст. Б. Егорова; сост. и коммент. Б. Егорова и А. Осповата. М., 1990. Т. 1.
- Длуголенский, 2005 — *Длуголенский Я. Н.* Век Достоевского. Панорама столичной жизни. СПб., 2005. Кн. 1.
- Дмитриев, 1998 — *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой; вступит. ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1998.
- Достоевский, 1972—1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 6.
- Жерихина, 2015 — *Жерихина Е. И.* Французский мир Санкт-Петербурга. СПб., 2015.
- Зотов, 1857 — *Зотов Р. М.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. В 2 ч. СПб., 1857. Ч. 1.
- Зотов, 1859 — *Зотов Р. М.* Театральные воспоминания. Автобиографические записки. СПб., 1859.
- Конечный, 2021 — *Конечный А.* Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М., 2021.
- Кони, 1966—1969 — *Кони А. Ф.* Собр. соч. В 8 т. М., 1966—1969.
- Крестовский, 1990 — *Крестовский В. В.* Петербургские трудности. Книга о сытых и голодных: Роман в 6 ч. / Общ. ред. и вступ. ст. И. В. Скачкова. М., 1990. Т. 1. Ч. 1—4.

- Куриев, 2020 — *Куриев М. М.* Это Н. М., 2020.
- Михайлов, 1910 — *Михайлов А. М.* Как насаждалась французская культура в России // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Год тридцать первый. 1910. Ноябрь. С. 614—635.
- Наполеон Бонапарте, 1851 — Наполеон Бонапарте. Детская игра / Изд. А. Иконникова. СПб., 1851.
- Народная проза, 1992 — Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 1992.
- Некрасов, 1981—2000 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. СПб., 1981—2000.
- Панаев, 1987 — *Панаев В. А.* Из «Воспоминаний» // *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания / Вступ. ст. Г. Елизаветиной; сост., подгот. текста и коммент. Г. Елизаветиной и И. Павловой. М., 1987. С. 147—272.
- Пенская, 2012 — *Пенская Е. Н.* Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой / Высш. шк. экономики — Нац. исслед. ун-т; Ин-т гуманитар. ист.-теорет. исслед.; отв. ред. А. Н. Дмитриев. М., 2012. С. 418—474.
- Плещеев, 1896 — *Плещеев А. Н.* Повести и рассказы. В 2 т. / Под. ред. П. В. Быкова. СПб., 1896. Т. 1.
- Подосокорский, 2013 — *Подосокорский Н. Н.* Наполеон и 1812 год в творчестве Ф. М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / Отв. ред. В. И. Щербаков. М., 2013. С. 319—364.
- Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н. Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57—105.
- Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н. Н.* История в творчестве Ф. М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2024. С. 273—391.
- Поэты 1790—1810-х годов, 1971 — Поэты 1790—1810-х годов: Сборник стихов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971.
- Путеводитель, 1853 — Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины и прочия. 1854. В 2 ч. СПб., 1853. Ч. 1.
- Пушкарев, 1839—1842 — *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. В 4 ч. СПб., 1839—1841. Ч. 3.
- Пушкин, 1950—1951 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. М.—Л., 1950—1951. Т. 6.
- Ротач, 1990 — *Ротач А. Л., Чеканова О. А.* Огюст Монферран. Л., 1990.
- Русская эпиграмма, 1975 — Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко; вступ. ст. Л. Ф. Ершова. Л., 1975.
- Свиньин, 1817 — *Свиньин П. П.* Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. Сочинение Павла Свиньина. Тетр. 2. СПб., 1817.
- Сироткин, 2000 — *Сироткин В. Г.* Наполеон и Россия. М., 2000.
- Столянский, 2002 — *Столянский П. Н.* Маг и чудодеев Санкт-Петербургской сцены Андрей Адамович Роллер (1805—1891 гг.) / Подгот. текста, сост. и коммент. А. П. Кулиша. СПб., 2002.
- Тихомиров, 2022 — *Тихомиров Б. Н.* Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М., 2022.
- Толстой, 1935—1958 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1935—1958. Т. 59.
- Физиология Петербурга, 1991 — Физиология Петербурга / Изд. подгот. В. И. Кулешов. М., 1991.
- Цылов, 1849 — [*Цылов.*] Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год / Сост. Литейной части пристав Исполнительных дел Цылов. СПб., 1849.
- Червяков, 1865 — [*Червяков А. П.*] Путеводитель по С.-Петербургу: с прил. прогр. всех учеб. заведений и 6 пл. Петербурга / Сост. и издал А. П. Червяков. СПб., 1865.